

К.Г. Юнг

Психоанализ и спасение души

Легкого ответа на вопрос о взаимосвязи психоанализа и спасения души не существует, поскольку эти две вещи существенно отличаются друг от друга. Спасение души с помощью священника осуществляется путем религиозного влияния на основе определенных представлений христианской веры; психоанализ же, напротив, является врачебным вмешательством, применением техники психологического воздействия с целью вывить содержание бессознательного и сделать его достоянием сознания. Определяемому таким образом психоанализу подходят лишь методы, разработанные школой Фрейда и моей. В этом смысле методика Адлера психоанализом не является, поскольку она не преследует обозначенную выше цель, а имеет главным образом педагогическую направленность и действует непосредственно на сознание, не оглядываясь, так сказать, на подсознательное. Она представляет собой дальнейшее развитие французского "reeducation de la volants"² и "психической ортопедии" Дюбуа. Заложенное в адлеровской педагогике стремление привести индивида в нормальное состояние и приспособить его к психологии коллектива означает, что цель здесь другая, нежели та, которую преследует священник, имеющий конечной целью спасение Души и избавление ее от мирских оков. Более того, нормализация и приспособление представляют собой в данном случае намерения, диаметрально противоположные вытекающему из христианской религии намерению освободить человека от мирской суеты и полностью подчинить его воле Божьей, а также задаче спасения собственной души. Если и имеется хоть одна точка соприкосновения между методикой Адлера и существующим протестантским, а также католическим пониманием спасения души, так это обращение к сознанию человека, предполагающее акцент на его благоразумие и волю.

²Перевоспитание воли (фр.).

Психоанализ Фрейда, напротив, не предлагает сразу обращаться к сознанию или к воле, а пытается довести до сознания содержание бессознательного, чтобы тем самым уничтожить корни отклонений от нормы и соответственно их симптомы. Поэтому Фрейду приходится вести своего рода подкоп, который позволил бы обнаружить, что скрывается за симптомами, а не устранять нарушения путем воздействия на сознание. В этом заключается цель применения его психоаналитической техники.

Мои расхождения с Фрейдом начинаются с того, как следует понимать содержание бессознательного. Само собой разумеется, ничего нельзя доводить до сознания прежде, чем хорошо представишь себе, поймешь, с чем имеешь дело в данном конкретном случае. Для того чтобы понять содержание бессознательного, сделать его приемлемым или доходчивым, Фрейд использует свою знаменитую теорию сексуального, которая видит в извлеченных с помощью анализа данных главным образом несовместимые с сознанием сексуальные тенденции (и — в зависимости от того или иного случая — прочие аморальные наклонности). При этом Фрейд стоит на позициях рационалистического материализма, вытекающего из естественнонаучного мировоззрения конца XIX века (в чем каждый может убедиться, ознакомившись с его сочинением *"Будущее одной иллюзии"*). Если взять за основу это мировоззрение, то не составит труда увидеть в человеке животное, что само по себе также имеет достаточно далеко идущие последствия, ибо в таком случае конфликт в области морали выступает как всего лишь столкновение с общественным мнением или с уголовным кодексом, от чего можно легко уклониться. Вместе с тем Фрейд говорит о сублимации, понимаемой как применение "либидо" в десексуализированной форме. Я не могу заниматься здесь критическим рассмотрением этого понятия, требующего проведения очень тонких различий; мне всего лишь хотелось бы подчеркнуть тот факт, что не все,

приходящее к нам из бессознательного, может быть "сублимировано".

Для тех, кто разделяет позицию научного материализма и при этом исходит из философских или религиозных посылок в силу своего темперамента, проблема осознания того, что скрыто в бессознательном, представляется сомнительной во всех отношениях. К счастью, какой-то инстинктивно возникающий стыд удерживает людей от того, чтобы осознание заходило слишком далеко, поэтому для нас зачастую бывает достаточно того приращения сознания, которое оно в состоянии выдержать. Именно так обстоит дело в случае с простыми, неотягощенными осложнениями неврозами и соответственно с людьми того же плана (невроз не бывает более сложным, чем заболевший им человек). Утонченные же натуры, напротив, страдают по большей части от мучений, возникающих в результате того, что их сознание не удерживается в пределах, задаваемых инстинктивно возникающим стыдом. Они хотят сами все видеть, знать и понимать. Для таких натур недостаточен ответ, который дает созданное Фрейдом искусство понимания. Средства оказания помощи страждущим, располагаемые церковью, особенно те из них, которые ради объяснения человеку смысла происходящего вверены католическому священнику, могут оказаться в этом случае более уместными, поскольку и по форме, и по смыслу они уже изначально соответствуют природе содержания подсознательного. Потому-то священник не только **слушает** исповедь, но и **задает вопросы**; он даже обязан делать это, причем он может спрашивать о вещах, которые обычно относятся к компетенции врача. Принимая во внимание характер средств оказания милосердия, находящихся в распоряжении священника, нельзя сказать, будто вмешиваясь в жизнь человека, он выходит за рамки своей компетенции, ибо он располагает возможностями успокоить бурю, которую вызвал.

Для протестантского священника дело осложняется тем, что, кроме общей молитвы и святого причастия, он не имеет в своем распоряжении никаких ритуальных действий (таких, как экзерциции, розарий, паломничество и т. д.), символизм которых открывает возможность для самовыражения, а потому он вынужден больше упираться на соображения морали, однако при этом возникает опасность того, что выходящие из бессознательного силы влечения вновь подвергнутся вытеснению. Религиозные обряды во всех формах играют роль сосуда, способного вместить все содержание бессознательного. В результате упрощений, внесенных пуританством, из протестантизма оказались изъяты средства воздействия на бессознательное; во всяком случае, пастор был лишен обычных для священника посреднических функций (в которых столь нуждается душа). Вместо этого индивид сам стал отвечать за собственные поступки и в одиночку общаться со своим Богом. В этом заключается как преимущество, так и опасность протестантизма. Отсюда исходит его внутреннее беспокойство, выразившееся в создании более четырехсот самостоятельных церквей и сект всего за каких-нибудь несколько столетий, что, конечно же, указывает на преобладание в нем индивидуализма.

Выявление содержания бессознательного методами психоанализа несомненно оказывает большое воздействие, и столь же несомненно мощное воздействие оказывает католическая исповедь, особенно в тех случаях, когда она предполагает не просто выслушивание, но и активное влияние на верующего со стороны священника. Принимая это во внимание, невозможно не удивляться тому, что протестантские церкви до сих пор ничего не сделали для возвращения к исповеди как центральному моменту, направляющему деятельность по спасению души в отношениях между пастырем и его паствой. Конечно, надо понимать, что для протестанта не может быть возврата к этой исконно католической практике, противоречащей сути протестантизма. Вполне естественно, что протестантский священник, справедливо видящий цель своей деятельности в спасении души, ищет новых путей, долженствующих вести не просто к ушам, а именно к сердцам членов его общины. Как представляется, ключ к этому может дать ему аналитическая психология, ибо смысл и цель спасения души не сводятся к регулярной воскресной проповеди, которая достигает ушей, но, как правило, не затрагивает сердце и уж совсем редко душу, эту самую сокровенную субстанцию из всех, что находятся в человеке. Действия по спасению души

требуют спокойного разговора *tete-a-tete*, в благоприятствующей ему атмосфере безусловного доверия. Здесь душа должна воздействовать на душу, а для этого необходимо, чтобы были открыты многие двери, мешающие доступу к самым сокровенным вещам. Психианализ располагает такими средствами и может открыть двери, которые в противном случае так и остаются на запоре.

С глазу на глаз, наедине (фр.).

Однако следует иметь в виду, что эта процедура зачастую напоминает хирургическую операцию, когда врач должен быть готов ко всему, что может обнаружиться в результате разреза. В ходе психианализа тоже могут выявиться непредвиденные и весьма неприятные вещи, как, например, латентные психозы и т. п. Нередко такие вещи со временем сами выходят на поверхность, тем не менее обычно нарекания высказываются в адрес тех, чье преждевременное и неосторожное вмешательство вызывает нарушения психики. Единственное, что может уберечь врача от подобных неудач, это основательное владение им специальными психиатрическими знаниями. Поэтому непрофессионал, пытающийся использовать психианализ, всегда должен искать поддержки у врача.

К счастью, неприятности, о которых здесь идет речь, случаются довольно редко. Но то, что удастся обнаружить с помощью психианализа, представляет собой немалые трудности. **Дело в том, что в результате пациент непосредственно оказывается перед проблемой, в решении которой проходит его жизнь, а тем самым он сталкивается с предельными вопросами, от встречи с которыми до тех пор настойчиво уклонялся.** Поскольку действительную природу человека никоим образом нельзя признать невинной, постольку на поверхность обычно выходят именно те факты, которые убедительно показывают, почему пациент держался от них подальше: он инстинктивно чувствовал, что не знает никакого удовлетворительного ответа на возникающие в связи с ними вопросы, потому-то и надеется получить его от аналитика. Врач же, действуя лишь в профилактически-оздоровительных целях, может со спокойной совестью оставить открытым не один критический вопрос, ибо понимает, что ни один разумный пациент не ждет от него ничего большего, кроме оказания чисто **врачебной** помощи. Большого ожидают от священника, и это большее заключается в **религиозном решении** жизненно важных проблем. Как уже говорилось, католическая церковь имеет в своем распоряжении средства и способы воздействия, испокон веков служившие тому, чтобы движущие силы, действующие даже в самых глубинных отсеках человеческой души, получали символическое выражение и благодаря этому не нарушалась иерархия организации духа. Протестантский священник лишен таких средств, поэтому он зачастую оказывается беспомощным, столкнувшись с определенными сторонами человеческой природы, на которые не действуют ни увещания, ни призывы к разуму или доброй воле, ни героическое самобичевание. Добро и зло разделены в протестантизме резко и непримиримо. Для прощения в нем нет никаких очевидных оснований. Человек остается один на один со своим грехом. Известно, что Бог прощает лишь те грехи, которые люди преодолевают сами. В этом плане существуют значительные психологические трудности, связанные с использованием протестантской техники для спасения души, ибо в ней (этой технике) отсутствуют способы, с помощью которых могли бы улавливаться жизненные влечения, занимающие самые потаенные уголки души. Протестантским священникам необходимо было бы решить именно вскрытую психианализом проблему противоречия бессознательного. Врач может заниматься этой проблемой на основе научного материализма, действуя со свойственной и достаточной для его профессии тактичностью, т. е. он может относиться к вопросам морали, возникающим в ситуации с его пациентом, как к чему-то такому, что лежит за пределами его врачебной компетенции. Он со спокойным сердцем может уйти от ответственности за пациента, прикрывшись хорошо известной сентенцией: "Вы сами должны позаботиться о том, как вам решить вашу проблему". Однако, я думаю, протестантский священник не может позволить себе "умыть руки" столь невинным образом, ибо его долг — не оставлять доверившегося ему человека наедине с темными силами его души. Причем от психианалитической редукции ему мало пользы, так как развитие — это

строительство, а не разрушение. Следует также иметь в виду, что в самых трудных случаях почти, а то и вовсе, не помогают ни хороший совет, ни призывы нравственного свойства, поскольку, если следовать им, то это помешает наступлению как раз тех сумерек, которые должны предшествовать рождению света. (Как гласит восточная мудрость, лучше делать добро, чем избегать зла. Поэтому мудрый человек играет роль нищего, царя или преступника, не забывая о Боге.)

В католической практике спасения души легче использовать элементы психоанализа, чем в протестантской, для последней это более трудная задача. Первая же не только обладает готовой техникой спасения души, представленной исторически сложившимися формами исповеди, покаяния и отпущения грехов, но и, помимо того, имеет в своем распоряжении богатую и представительную символику отправления ритуалов, которая полностью удовлетворяет претензиям и темным влечениям непритязательных людей. Напротив, протестантские заботы о спасении души гораздо более нуждаются в психотехнике, ибо в них не предусматривается сколько-нибудь серьезных форм ритуала. Вот почему я считаю интерес протестантского священника к психологии вполне законным и даже необходимым. Если при этом он бывает вынужден вторгаться в область собственно медицины, то такое вторжение, в случае его непрофессионализма, перевешивается некомпетентностью врача в вопросах мировоззрения, высказываться по которым, как он наивно полагает, ему дано право (см., например, рассуждения о религиозных процессах как сексуальной симптоматологии или как о детских фантазиях по поводу желаний). Врач и священник, ступая в пределы аналитической психологии, несомненно, сталкиваются друг с другом. Это столкновение должно вести не к вражде, а к сотрудничеству.

Протестантское действо по спасению души вследствие отсутствия у него ритуальных форм (в противоположность католическому) становится **выяснением отношений между личностями**, когда фундаментальная проблема проекции не может быть, как это происходит в католицизме, переведена в некую безличностную плоскость, а должна быть представлена вполне убедительно — как обретение необходимого опыта личной жизни. Любое более или менее серьезное вмешательство в область бессознательного порождает феномен проекции, поэтому, проникая в сумерки души, священник так или иначе провоцирует возникновение проекции (как у мужчин, так и у женщин). Она неизбежно затрагивает протестантского священника как личность, но в его распоряжении нет формы общения, способной заместить собой его персону (в отличие от католического священника, который может пользоваться такой формой). А потому, выполняя свои обязанности по спасению души пациента, он вовлекается в самое что ни на есть личное участие в нем и идет в этом направлении едва ли не дальше врача, который, действуя как специалист, совсем не обязательно принимает заботу о душе больного близко к сердцу. Чаще всего он прибегает к благим отговоркам, характер которых таков, что их должен бояться священник, действующий по соображениям высшей целесообразности. Поэтому ему грозит опасность (а она и должна ему грозить) оказаться втянутым в тяжелые психологические конфликты, что, мягко говоря, не подобает бюргерскому душевному благополучию. Опасность здесь таится немалая, но для серьезного священника она играет благотворную роль, поскольку возвращает его к действительной жизни, а одновременно, — к его собственным нуждам, которые сегодня заметно отличаются от таковых в начальный период существования церкви (вспомним слухи, от которых должен был защищать себя Павел).

В данном случае священник должен хорошо понимать, в какой степени удерживают его от опасной миссии по спасению души его официальное оплачиваемое положение и тревога за благополучие своей семьи. Я не буду порицать священника, если он не последует совету, который дал Тертуллиан принимающим крещение, специально искать возможности самопожертвования. Дело в том, что действия по спасению души, осуществляемые на основе современной психологии, могут привести к тому, что священник станет жертвой публичной диффамации. Общественное положение и забота о своей семье, — эти абсолютно мирские соображения, — вызывают к разумной сдержанности (дети мира сего, как известно, умнее

детей света); но глаза души сами собой обращаются к тем, кто, не заботясь о собственном мирском благополучии, готовы ради лучшего бросить на чашу весов собственную жизнь. Конечно же, инфантильный энтузиазм не приносит победы, и только риск, который, с одной стороны, исходит из действительного и возможного, а с другой — не страшится никаких страданий, способен дать серьезные результаты.

Итак, недостаточная обеспеченность соответствующими ритуалами удерживает протестантского священника от более тесных контактов со спасаемой душой, и вместе с тем вынуждает его идти на такой значительный риск, что он сразу оказывается "на линии огня". А мужества протестантскому священнику, надеюсь, не занимать.

Любой серьезный психотерапевт будет только рад, если его усилия будут поддержаны и дополнены деятельностью священника. Правда, развитие проблематики человеческой души, к которой священник и врач подходят с противоположных сторон, будет вызывать немалые трудности, не в последнюю очередь обуславливаемые различиями их позиций. Но хочется надеяться, что именно возникающие при этом столкновения породят плодотворнейшие для обеих сторон стимулы.

Перев. В. Терина

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

